

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Лингвокультурологический портрет английского
языка: монолингвальный и мультилингвальный
аспекты
(на материале произведения С. Фрая "The Ode
Less Travelled")

Выпускная квалификационная работа
соискателя на степень бакалавра
Жуковой Натальи Ивановны

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. **Петрова Е. С.**

Санкт-Петербург
2017

СОДЕРЖАНИЕ:

Введение.....	3
Глава 1 Метаязыковая картина мира как объект лингвистического изучения.....	6
1.1. «Наивная лингвистика» и «наивный лингвист»	6

1.2. Взгляд современной лингвистики на языковую картину мира.....	9
1.3. Метаязыковая картина мира.....	14
1.4. Миф и стереотипы языкового поведения.....	17
1.5. Лингвокультурологический портрет в рамках современной научной парадигмы.....	20
Выводы по главе 1.....	23
Глава 2 Метаязыковая картина мира в произведении С. Фрая «The Ode Less Travelled» (лингвокультурологический анализ).....	25
Раздел 2.1 Монолингвальный аспект лингвокультурологического портрета английского языка.....	26
2.1.1. Родословная английского языка.....	26
2.1.2 Образ языка, общие черты. Отличительные черты и характер английского языка.....	28
2.1.3 Культурологические особенности портрета английского языка.....	30
Раздел 2.2 Монолингвальный аспект лингвокультурологического портрета английского языка.....	33
2.2.1. Эволюция английского языка.....	33
2.2.2. Сравнительные речевые характеристики.....	34
2.2.3. Культурологические различия английского и других языков.....	36
2.2.4. Общие сравнительные характеристики.....	38
Выводы по главе 2.....	40
Заключение.....	42
Список литературы.....	44
Список использованных словарей.....	47
Используемый материал.....	48

Введение

В настоящее время возникают новые направления исследования в рамках лингвокультурологии и социолингвистики. Таким направлением является лингвистическая имагология, изучающая и анализирующая перцептивное восприятие одних культурно-языковых общностей другими.

Создание образа языка лежит в области мифологии языка, то есть в области «*наивной лингвистики*», в центре интересов которой находится представление о том, как образовался язык, как он устроен и в чем преимущество одних языков над другими с точки зрения простых пользователей языка. В данной работе мы исследуем естественную философию языка, созданную представителем английской языковой культуры, на основе художественного текста, как репрезентации когнитивно-мыслительных процессов происходящих в сознании личности. Идея соответствует современной антропоцентрической парадигме, как основополагающей дефиниции современной лингвистики. Нас интересуют субъективные суждения автора, авторский мифический образ английского языка. В рамках современных лингвистических и литературоведческих исследований были проведены многочисленные работы по созданию речевого или языкового портрета личности. Данная работа направлена на создание целостного образа английского языка, на основе расхожих, ненаучных, бытовых суждений. Наша задача состоит в том, чтобы выяснить, по какому принципу описывается язык; реконструировать вербализованные фрагменты *метаязыковой рефлексии*, процесс размышления над языком и речью, обусловленные культурным сознанием и собственным переживаемым опытом языковой личности.

Объектом исследования являются фрагменты англоязычного дискурса, относящиеся к области «наивной лингвистики» и содержащие номинации английского языка: *English, Our language, The English language, British English, English tongue, The Language*.

Предмет исследования составляют суждения об английском языке как таковом и различных его аспектах, высказанные не в научной, а в популяризаторской массовой литературе.

Материалом исследования послужил текст книги английского писателя Stephen Fry "The Ode Less Travelled" на английском языке. Корпус собранного материала, составил семьдесят один пример.

Актуальность исследования определяется общей направленностью современной научной парадигмы, «предмет изучения которой – язык – осмысливается как обусловленное культурой и переживаемое в индивидуальном сознании знание о мире» (Карасик, 2009: 5). Стереотипное представление о языке формирует так же и социально-культурные стереотипы, изучаемые в рамках межкультурных коммуникаций. Данное исследование представляет интерес с точки зрения вербализации языковой картины мира отдельной личности как представителя целой языковой культуры.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассуждения о языке как таковом, с позиции наивного лингвиста, используются в разработке лингвокультурологического образа языка.

Цель работы – составить максимально полную метаязыковую картину мира английского языка, на основе общих суждений носителя англоязычной культуры. На основании полученных данных, мы планируем выяснить: какие черты присущи лингвокультурологическому образу языка. Для этого нам понадобится решить следующие **задачи**:

1. Осветить современное содержание понятий «наивная лингвистика» и «метаязыковая картина мира».
2. Выделить ценностно-маркированные, т.е. оценочные высказывания автора в отношении английского языка: их направления и области функционирования.
3. Выявить те аспекты языка, которые попадают в поле зрения наивного лингвиста и формируют лингвокультурологический образ языка в сознании его носителя.

Методы исследования определяются целями и задачами работы. В числе используемых методов мы выделяем метод прагматилистического анализа; лингвистического описания; метод дискурсивного анализа; метод лингвокультурологического анализа.

Теоретическое значение данной работы определяется актуальностью изучения когнитивно-мыслительных процессов, формирующихся в сознании личности, и их репрезентации в художественном тексте. Сделанные в работе наблюдения могут послужить вкладом в дальнейшее изучение концепта «наивная языковая картина мира» как продукта языкового сознания социума и личности.

Практическая значимость исследования: результаты данного исследования могут быть использованы при составлении учебных пособий и лекционных курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и социолингвистике.

Глава 1. Метаязыковая картина мира как объект лингвистического изучения

В данной главе мы рассмотрим теоретические вопросы, в области знаний и представлений человека о языке.

1.1 «Наивная лингвистика» и «наивный лингвист»

По мнению Л. Г. Воркачева, антропоцентрическая парадигма возвратила человеку статус «меры всех вещей» и вернула человека в центр мироздания (Воркачев, 2001: 64) В связи с тем, что идея

антропоцентричности языка вышла на первый план в современном языкознании, все чаще исследования в области лингвокультурологии и социолингвистики направлены на изучение таких понятий как «**наивная лингвистика**» (англ. *folk linguistic или popular linguistic*) и «**наивный лингвист**» (англ. *folk linguist или popular linguist*).

Различные суждения человека о своем родном языке и о других существующих языках лежат в области бытовой или «**наивной лингвистики**». Такие суждения могут возникнуть в попытках осмыслить полученные знания о родном языке или при изучении других языков, а также при столкновении с носителями других языковых культур (Кашкин, 2009: 41). Впервые о важности бытовых суждений о языке высказался в своем докладе Генри М. Хенингсвальд в 1964 г. на конференции, посвященной вопросам социолингвистики в Калифорнийском университете; в этом докладе Хенингсвальд впервые упомянул термин «**народная лингвистика**» (Hoenigswald, 1966).

О важности процессов, протекающих в языковом сознании носителей языка заявили Нэнси Недзельски и Денниса Р. Престон в своей монографии «Folk Linguistics». В своей работе Недзельски и Престон пишут о том, что хотя традиционная лингвистика и не воспринимает серьезно народные знания и толкования языка, и часто относится к ним с пренебрежением, в отличии от «научных истин», нельзя отбрасывать тот факт, что как раз изменения происходящие в языке в первую очередь затрагивают простых обывателей и всерьез волнуют их. Авторы говорят о том, что человек говорящий и мыслящий понимает, что язык – это ключ к пониманию своей и чужой культуры (Niedzielski, Preston, 2000).

На сегодняшний день тема «наивная» или «народная лингвистика» вызывает неподдельный интерес в научных кругах. В 2012 году была проведена международная конференция на тему: «"Народная лингвистика": взгляд носителей языка на язык» (англ. *Folk linguistics: language from speakers' perspective*). Конференция проходила при поддержке Российской

Академии наук, Института лингвистических исследований и Европейского университета в Санкт-Петербурге. В настоящее время в рамках вопроса «наивной лингвистики» выделяются такие ее формы, как «наивная лексикография», «наивная палеография и этимология», «наивная лингвокультурология» (Ефремов, 2014), «наивная диалектология» (Preston, 1989), «наивная социофонетика» (Preston, Niedzielski, 2010). Наряду с этими понятиями в научный обиход широко вошел термин «**наивный лингвист**» (англ. *folk linguist* или *popular linguist*), человек оперирующий бытовыми представлениями о языке и речи (Петрова, 2007).

Взяв за основу несколько определений термина «наивный лингвист», можно сказать, что «**наивный лингвист**» – это любой носитель-пользователь языка, который формирует собственные представления о происхождении языка, о его функционировании и устройстве, а так же высказывает вольно или невольно стереотипное суждение о своей или чужой речевой деятельности. (там же) (Кашкин, 2009). Такая «обыденная философия языка», формируется в сознании личности и не зависит от его возраста и интеллекта (Кашкин, 2009: 43). Рассуждать и анализировать языковые явления мы пытаемся с детства. Об этом пишут В. В. Красных в своей работе «Основы психолингвистики» и Н. Ю. Соколова в кандидатской диссертации, ссылаясь на исследования таких известных ученых, как Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия (Красных, 2012) (Соколова, 2004). Приведу пример из жизни. Когда моей дочке было шесть лет, мы путешествовали по Италии. Она слушала итальянскую речь, знакомилась с итальянскими детьми: иногда происходило взаимопонимание, иногда нет. В один из вечеров она сказала: «Ну как же хорошо, что я родилась в России! Родилась бы здесь, в Италии, и ничего бы не понимала, что говорят другие». Для детей свой родной язык заведомо легкий и понятный, а незнакомый сложный и непостижимый.

Для данной работы суждения *наивного лингвиста* представляют большой интерес, так как отражают «языковое сознание личности и

общества в целом» (Петрова, 2007: 343). Тем более, что провести четкое деление между «ученым-лингвистом» и «наивным пользователем» практически невозможно, т.к. подобная граница «оказывается в высшей степени текучей, переходимой в реальном ходе развития с той и другой стороны неисчислимое количество раз» (Выготский, 2014: 298) (Кашкин, 2009: 41). Даже «наивный» лингвист, если он обладает широким кругозором и «высоким уровнем общего образования», может корректно и точно использовать терминологию для анализа речевых процессов; в тоже время «профессиональный лингвист» в повседневной речи часто проявляет себя как наивный пользователь языка (там же). О.А. Журавская в своей работе приводит примеры того, что язык профессионала, так же как и язык рядового носителя языка, наполнен переносными значениями и субъективными оценками, такими как *to have a smooth/glib/oily tongue* (уметь говорить приятные вещи/бойкая речь/льстить) (Журавская, 1998: 15-16).

По мнению большинства современных лингвистов, сложно переоценить влияние бытовых суждений на трансформацию «многих лингвистических компетенций языковой личности», так как в современных условиях процесс коммуникации протекает на фоне бума социальных сетей, а так же под влиянием сайтов, сформированных и пополняемых рядовыми носителями языка (Ефремов, 2014: 74). Наиболее известным из них является <https://www.wikipedia.org/>. В работе Н. Ю. Соколовой, посвященной изучению бытовых воззрений на сущность речевых явлений вопроса и ответа, для анализ фрагментов «наивного» англоязычного дискурса, были использованы такие электронные ресурсы, как The British National Corpus и The Corpus of Contemporary American English, охватывающие широкий круг источников, и выступающие образцами типичного разговорного и письменного британского английского языка (Соколова, http://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_2/Baudouin_2015_2_266_268.pdf).

Язык – неотъемлемая часть любой национальной культуры, он помогает нам проникнуть в образ мышления наций, взглянуть на мир с позиции, говорящих на нем людей. Все знания человека о мире, запечатленные в языковой форме, образуют некое метафорическое понятие, носящее название *языковая картина мира*. Изучение языковой картины мира, как некой базы данных, «кладовой» лингвистического материала, является объектом пристального внимания современных лингвистов (Корнилов, 2014: 79).

В следующем разделе мы рассмотрим такое понятие, как *языковая картина мира*.

1.2. Взгляд современной лингвистики на языковую картину мира

Понятие «картина мира» вошла в обиход огромного числа областей научного знания. Она конкретизируется и дополняется такими определениями как «научная», «биологическая», «общенаучная», «историческая», «национальная». Но все эти «картины» человек формирует, понимает и выражает с помощью языка. В сознании человека как носителя языка и представителя языковой культуры «возникает определенная языковая картина мира, сквозь призму которой» он представляет этот мир (Маслова, 2016: 40). Понятие *«языковая картина мира»* было введено в научную терминологическую систему в первой половине XX века Л. Вайсгербером, немецким ученым, культурологом. С этого времени «языковая картина мира» является объектом изучения таких смежных с языкознанием наук, как психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

Язык и человеческое мышление тесно и неразрывно связаны между собой. Еще в начале XIX века Вильгельм фон Гумбольдт в своих работах развивает идею о языке, как о выражении индивидуального мирозерцания народа. Американский лингвист – Бенджамин Уорф, ученик Эдварда Сепира развил идею о том, что такие процессы, как мышление и приобретение

опыта, могут подвергаться воздействию тех категорий и паттернов, которые предлагаются человеку языком (Lee Penny, 1996).

С развитием когнитивной лингвистики, возрос интерес ученых к роли человеческого фактора в языке. Работы таких ученых, как Э. Рош, Дж. Лакоф, Г. Томпсон, Р. Лангакер стали базироваться на том, что языковое поведение определяется в значительной степени языковым знанием (Маслова, 2016) Во второй половине XX века в отечественной лингвистике выходит большое количество работ, посвященных когнитивным исследованиям (Г.А. Брутян, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко). А также в 1988 выходит коллективная монография «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира». Теме «языковая картина мира» посвящены работы таких современных ученых, как Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова.

Когнитивная лингвистика различает *концептуальную и языковую картину мира*. *Концептуальная картина мира* – это «глобальный образ мира, существующий в сознании какого-либо социума в определенный период его истории и лежащий в основе мировидения человека» (Постовалова, 1988). Такие лингвисты, как Г.Г. Почепцов, Б.А. Серебрянников, В.Н. Телия придерживаются мнения, что концептуальная картина мира более объёмная, чем языковая. Их мнение разделяет В.А. Маслова, она пишет, что «концептуальная картина мира...значительно шире и богаче языковой картины мира», ведь только часть «концептосферы» кодируется вербально (Маслова, 2004: 50). На первое место когнитивная лингвистика ставит исследования в области человеческого разума и мышления. А *языковая картина мира* – это репрезентант концептуальной картины мира, который «выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания..., как отдельной монады мира (Колшанский, 1990: 15). Для описания *языковой картины мира* когнитивисты предлагают использовать *концепты* и (или) *понятия*.

Существует множество определений этих терминов. П. Абеляр, философ и один из основоположников концептуализма, связывает *понятие* (intellectus) с рациональным знанием (пониманием), а *концепт* (conceptus) рассматривает, как производное возвышенного духа, разума, способного творчески воспроизводить смыслы (Абеляр, цит. по: (Воркачев, 2004: 14)). Ю.С. Степанов определяет *понятие*, как мысль о предметах и явлениях, которая отражает их общие и существенные признаки, а *концепт*, как идею, в которую входят не только абстрактные понятия, но и конкретные-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки. Он подчеркивает, что «концепты не только мыслятся, они переживаются» (Степанов, 1997: 41). Хотя вопрос о тождественности и не тождественности этих терминов, для лингвистов, до сих пор является дискуссионным, мы будем придерживаться точки зрения, что *понятие* «открыто для определения», а *концепт*, как форма выражения ментальных образований, «определяется с трудом» (Карасик, 2009: 23).

В своих работах В.В. Красных пишет, что «отталкиваясь от языковой картины мира», когнитивная лингвистика нацелена на изучение *«наивной» картины мира*, которой обладает человек. Подтверждение этому можно найти в работах Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой. Такие известные лингвисты, как В.А. Маслова Ю.Д. Апресян, С.Г. Воркачева, говорят о важности для изучения культуры и этноса народа именно «наивной» картин мира. В.А. Маслова подчеркивает, что основная задача лингвистики – «это изучение обыденных представлений о мире и человеке», существующих в языке (Маслова, 2016: 43).

Таким образом можно в подходах когнитивной лингвистики к изучению языковой картины мира, можно выделить три основных направления:

- 1) анализ специфичных для данного языка концептов;
- 2) исследование универсальных концептов;
- 3) исследования с точки зрения «наивной» картины мира.

Языковая картина мира является предметом изучения лингвокультурологии, вбирающей в себя результаты исследований в области культурологии, языкознания, этнолингвистики и культурной антропологии.

Исследования в лингвокультурологии выстраиваются в направлении от культуры к человеку. И.А. Бодуэна де Куртэне писал, что «язык... национальный является...обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» (Бодуэн де Куртэне, 1963: 71). Невозможно осуществлять плодотворно процесс межкультурной коммуникации без знания языка, культурных особенностей, традиций и склада мышления нации. Язык и культура имеют тесную неразрывную связь. Познавая первое, мы открываем завесу к познанию второго. Культура – это «то, *Что* данное общество делает и думает. Язык же есть то, *Как* думают» (Сепир, 1993: 193). Поэтому в лингвокультурологических исследованиях активно используется понятие «*национальная языковая картина мира*». О.А. Корнилов в монографии «*Языковая картина мира как производные национальных менталитетов*» подчеркивает важность исследования языковой картины мира для лингвокультурологических и лингвистических изысканий но считает саму по себе отдельно взятую *ЯКМ* (языковая картина мира) абстрактным понятием. Он предлагает выделять из нее, для изучения, *НЯКМ* (национальная языковую картину мира), которая, в свою очередь, по его мнению, складывается из *ИНЯКМ* (индивидуальная национальная языковую картину мира). Он определяет *ИНЯКМ* как выражение объективного мира обыденным языковым сознанием носителя этого языка. О.А. Корнилов в своей работе, подробно описывает и детализирует такие понятия, как *ЯКМ*, *НКМ* (научная картина мира) и *ННКМ* (научная национальная картина мира) (Корнилов, 2014). Вся *ЯКМ* вбирает в себя всю совокупность представлений и накопленных знаний о мире, закрепленных в лексической, фразеологической и грамматической форме (Маслова, 2016).

Хотя в первую очередь именно лексика, особенно фразеологизмы, определяются лингвокультурологами, как основной материал для изучения национального мировосприятия, нельзя недооценивать грамматические категории языка. А. Вежбицкая в своей работе «*Язык. Культура. Познание.*» утверждает, что частью русского национального характера является склонность к фатализму, и подкрепляет это мнение тем, что русский синтаксис тяготеет к пациентивным безличным конструкциям: вместо «я хочу» или «я не могу спать», наиболее частотное употребление: «мне хочется», «мне не спиться» (Вежбицкая, 1996). Так же о важности для описания ЯКМ грамматических средств пишут такие лингвисты, как Л.С. Выготский, Г. В. Колшанский, Е.В. Иванова, В.А. Маслова. Н. Ю. Соколова в своей диссертационной работе, о функционировании номинации вопроса и ответа в английском языке опирается на идею о том, что процесс восприятия мира сознанием находит выход в семантике и грамматических формах, пусть даже и не осознанно. Для названия таких процессов Дж. Лакофф и Г. Томпсон в 1975 году предложили термин «*когнитивная грамматика*» (Lakoff, Thompson, 1975: 295).

Можно сделать вывод, что современная лингвистика рассматривает языковую картину мира с трех позиций:

- 1) весь языковой строй определенного языка;
- 2) лексико-семантическая система языка;
- 3) фактор формирования национального восприятия реальности.

В рамках языковой картины мира бытовые суждения наивного лингвиста формируют *индивидуальную языковую* как часть *метаязыковой картины мира*. Этим аспектам посвящен следующий раздел нашей работы.

1.3 Метаязыковая картина мира

На сегодняшний день, в рамках антропоцентрической парадигмы в современном языкознании, на первый план выходит изучение бытовых, обыденных суждений и идей, их влияние на язык и культуру. Это

подтверждает актуальность нашего исследования. Анализируем ли мы наивную языковую картину мира или исследуем национальную языковую картину мира, мы в том и другом случае обращаемся к бытовым суждениям, основанным на личном опыте человека. Эти суждения носят субъективную окраску, хотя большинство из них весьма устойчиво и складывается «в своеобразную мифологию» (Петрова, 2007).

Язык, которым мы пытаемся описывать наш родной язык, его диалекты или другие языки получил наименование *метаязык*. Этот термин пришел в теоретическую лингвистику из математики и логики. *Метаязык* (от греческого μετά — через, после) — язык «второго порядка», по отношению к которому *естественный человеческий язык* выступает как «язык-объект», т. е. как предмет языковедческого исследования (<http://tarpemark.narod.ru/les/297a.html>). При этом естественный язык можно описать и метаязыком носителя этого естественного языка, и метаязыком других языковых культур (например, для описания английского языка можно использовать английский язык, но также, например, используя англо-русский словарь, можно описать его при помощи лексических средств русского языка). О.А. Журавская связывает метаязык с общими представлениями об окружающем мире носителя языка, носящими социальную и национально-культурную окраску (Журавская, 1998: 9). Метаязык имеет глубокие корни в истории культуры своего народа, в мифах, сказаниях, пословицах, поговорках и формируется в сознании носителя языка в виде неких *мифологем*. Поэтому для метаязыка характерно употребление метафор и переносных значений слов. При этом надо помнить, что все «*мифологемы* наивной философии языка...ощущаются сквозь призму эмоциональной оценки пользователя» (Кашкин, 2009: 45). «*Метаязык* — это не только необходимый инструмент исследования, применяемый логиками и лингвистами», но «наподобие Мольеровского Журдена, который говорил прозой, не зная этого, мы пользуемся метаязыком, не осознавая метаязыкового характера этих

операций» (Якобсон, 1975). Человек в течении всей жизни наблюдает, размышляет и рассуждает о родном языке, а также сравнивает его с иностранными языками. Эти *рефлексивные процессы* формируют в обыденном сознании **мифологические лингвистические концепты и стереотипы** (Стернин, 2016).

Метаязыковое сознание может быть рассмотрено как объект и коллективного так и индивидуального сознания. Для нашей работы интерес представляет индивидуальное метаязыковое сознание. Само по себе метаязыковое сознание, так же как и языковое сознание, имеет неоднородную и сложную структуру. Для наглядности используем схему, созданную М.Р. Шумариной (Шумарина, 2011: 15).

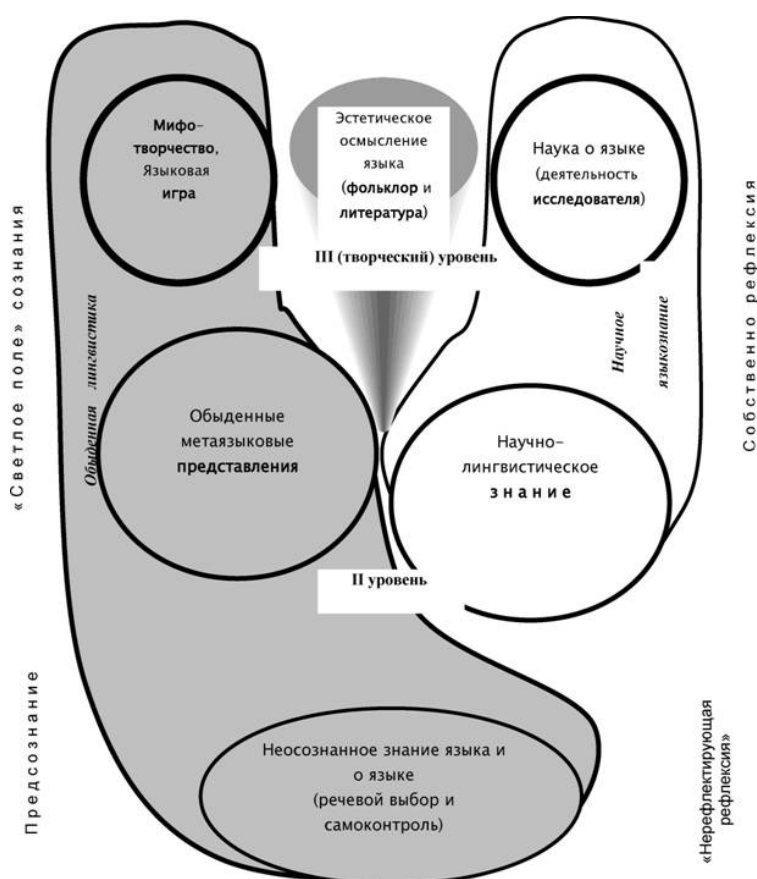

Схема 1. Структура метаязыкового сознания и формы метаязыковой рефлексии (М.Р. Шумарина)

М.Р. Шумарина выделяет в метаязыковом сознании три уровня:

- 1) бессознательный уровень («автоматизированный выбор речевых средств», пользующийся знаниями семантики языковых единиц и правилами их использования);
- 2) осознанный уровень («собственно рефлексия»);
- 3) творческий уровень (имеет творческий характер метаязыковой деятельности, окрашенный ценностными ориентирами) (там же: 16).

Результатом работы метаязыкового сознания является порождение «общих и частных наивно-лингвистических суждений о родном языке и его диалектах, об иностранных языках, о речи говорящих», для которых Е.С. Петрова ввела термин *метаязыковая картина мира* (Петрова, 2006). В широком аспекте *метаязыковая картина мира* является результатом коллективного языкового сознания. Но и каждый, отдельно взятый наивный лингвист, формирует свои собственные суждения о языке, опираясь на жизненный опыт, дополняя тем самым общую *национальную метаязыковую картину мира* (там же).

Опираясь на суждения Е.С. Петровой, в метаязыковой картине мира можно выделить следующие базовые составляющие:

- 1) словарный состав языка;
- 2) образные выражения;
- 3) языковая мифология (стереотипы);
- 4) субъективная личностная оценка.

Для описания метаязыковой картины наивного лингвиста, мы будем придерживаться именно этой точки зрения.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что *миф* и *стереотип* играют важную роль в формировании *метаязыковой картины мира*. В следующем параграфе мы рассмотрим такие вопросы как *миф* и *стереотипы языкового поведения*.

1.4 Миф и стереотипы языкового поведения

Э. Бенвенист утверждал, что «способность к символической

репрезентации действительности... является общим источником мышления, языка и общества» (Бенвенист, 1974).

Миф, в первую очередь, ассоциируется у нас с чем-то сказочным, с игрой воображения. Мифология корнями уходит в античность. Люди при помощи мифа передавали обычаи, приметы, традиции из уст в уста, из поколения в поколение. Вопросами *мифа* и *мифологии* занимались такие ученые, как Л. Леви-Брюль, Дж. Фрэзер, К. Леви-Строс, Э. Тайлор, К. Юнг. Изучению связи языка, мифа и культуры посвящены работы И.М. Дьяконова, А. А. Потебни, С. М. Толстой, Е. С. Кубряковой.

Миф родился как реакция на природные и культурные явления. Именно с *мифа* и *мифологии* человек начинает познавать мир и все, что в нем происходит. Постепенно в нашем сознании формируется некий взгляд на окружающую действительность, который мы выражаем посредством нашего языка. И в дальнейшем, сталкиваясь с чем-то новым, мы стараемся подогнать это под известную нам уже «кальку», под сложившиеся в нашем сознании образы, стереотипы. А.А. Потебня определяет язык как основополагающий инструмент мифологии, которую невозможно мыслить отдельно от слова (Потебня, 1989). Именно в языке запечатлеются наши знания, которые мы черпаем из прошлого и передаем будущим поколениям, но знания в преломлении наших субъективных оценок. Поэтому можно сказать, что наивный пользователь языка занимается мифотворчеством, и он искренне верит в свою мифологию, в свою стереотипную схему языкового поведения (Кашкин, 2002). «*Миф* — правда, потому что он — осмысление реальной и сейчас длящейся действительности, не ограниченной временем, принятое многими поколениями людей до нас» (Дьяконов, 1990).

Родную речь, родной язык человек слышит уже в утробе матери. Для ребенка, а тем более взрослого эта речь становится естественной и привычной. Поэтому не удивительно, что у большинства наивных пользователей складывается *монолингвистическое* мировоззрение: «Язык, которым я пользуюсь, является единственно правильным в том, что касается

средств выражения; другие формы самовыражения либо неправильны, либо мне неизвестны» (Кашкин, 2002).

Опираясь на различные исследования в области мифологии, можно выделить присущие *мифу* характеристики, также относящиеся и к «*мифологемным стереотипам языкового поведения*» (там же):

1) Нарративность. Миф – это «все, что достойно рассказа» писал Р. Барт (Барт, 1994: 74). Изначально миф существовал только в словесной форме. Миф (μῦθος) в переводе с древнегреческого — речь, слово; сказание, предание. Такая повествовательная-описательная форма мифа позволяет нам применять к нему приемы дискурсивного анализа (Kalaja, 1995).

2) Отражательная, т. е. посредническая функция между миром и человеком. С самого момента своего появления человек пытался объяснить явления природы, понять их, подстроиться под них. В процессе своего развития человек приобретал опыт и способность говорить, а также навык делиться этим опытом. И.М. Дьяконов рассматривает *миф* и *мифологему* (структурное ядро мифа), «как высказывание, содержащее в себе материал для мысленного и для эмоционального обобщения», выраженное одновременно и в абстрактных понятиях, и в художественных образах (Дьяконов, 1990).

3) Символизм и метафоричность. Миф как наивный способ перцептивного восприятия окружающего мира «не ставит вопросов о достоверности того, что познает, а потому и не добивается ее» (Хюбнер, 1994: 15). Понятия *миф* и *стереотип* – это абстрактные сущности, а «языковое сознание «овеществляет» абстрактные сущности» с помощью *метафор* (Воркачев, 2004: 138).

4) Естественность и правдоподобность с точки зрения наивного пользователя. Об этих характерных особенностях мифа уже упоминалось ранее в этом параграфе.

5) Типичность, повторяемость. Мифу свойственна универсальность, которая основана «на убеждении в равноправии всех элементов мирового

устройства, универсальности превращений предмета или явления в любое другое, как угодно отличающееся от него» (Гусев, 1984: 148). Благодаря этому миф продолжает существовать и в современном мире.

б) *Формирование поведенческих стереотипов в социуме.* Человек прежде всего часть культуры и общества, в котором родился и живет. Он старается анализировать и оценивать все, что происходит на понятном ему уровне. Наше сознание легче воспринимает новую информацию, используя известные универсалии. Этими универсалиями выступают коллективные представления, формирующиеся по принципу сопричастности и эмоционально-чувственного познания мира.

В сознании наивного лингвиста складывается некий *мифологический образ языка*. Создание образов и исследование языковой мифологии входят в круг интересов таких направлений лингвистики, как *лингвокультурология* и *лингвистической имагологии*. Этим аспектам посвящен следующий раздел нашей работы.

1.5 Лингвокультурологический портрет в рамках современной научной парадигмы

На сегодняшний день в центре исследования различных наук находится человек. Такие гуманитарные дисциплины, как лингвистика, философия, социология, культурология ставят перед собой задачу – осмыслить феномен человека. По мнению Н.Д. Арутюновой, путь к осмыслению феномена человека лежит не через естественные науки, а через естественные языки (Арутюнова, 1999: 324). Язык является одним из важнейших источников, в котором мы черпаем знание о человеке. Именно в языке запечатлевается образ человека, его внутреннее состояние, эмоции, отношение ко всему окружающему и к самому себе (Маслова, 2007: 23).

Новые проблемы требуют нового решения, поэтому появляются такие смежные дисциплины, как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология и лингвистическая имагология. Они занимаются

вопросами межкультурных контактов и могут играть важную важную роль в решении межкультурных конфликтов.

В данной работе нас интересует целостный образ языка, формирующийся в сознании его носителя. Эта задача лежит в области интересов нового направления в лингвистике – лингвистической имагологии. *Имаго* от латинского образ. Термин *Имагология* как дисциплина используется в теории межкультурной коммуникации и изучает восприятие нации другой культурной общностью. Этой теме посвящены работы М. Тэйлор и Э. Сааринен (Taylor, Saarinen, 1994). В рамках литературоведения Н.Е. Яценко рассматривает имагологию как «учение об образах», Г. Г. Почепцов рассматривает ее как технологию создания имиджа, об этом пишет в своих работах и М. Кундера. *Лингвистическая имагология* (англ. linguistic imageology) исследует *образное* «персонифицированное» восприятия языка по принципу свой – чужой. Ш. Хайров определяет это понятие метафорически как *портретную галерею языков* (Хайров, 2015).

Как уже упоминалось, языковая картина мира, метаязыковая картина мира и наивная философия языка имеют довольно образную метафорическую структуру. Поэтому, в целях их детального исследования, постоянно предпринимаются попытки найти более структурированные формы лингвокультурологического описания. Одним из таких способов является портрет (Березович, Рут, 2000).

Термин «портрет» широко применяется в психологии, социологии, литературоведении, лингвистике, истории и других смежных дисциплинах. Его используют, как правило, в значениях: жанр и исследовательская методика, прием обобщения. Угрюмова в своей работе говорит о том, что лингвистический портрет членился в зависимости от вида языковой информации и может представлять собой различные виды «картин», портретов: языковой портрет, речевой портрет, фонетический портрет (М.В. Панов), текстовый портрет (М.В. Карнаухова), лексикографический портрет (Ю.Д. Апресян), ономазиологический портрет (Е.Л. Березович, М.Э. Рут),

культурно-языковой портрет (Е.Л. Березович), лингвокультурологический портрет (Е.В. Устьянцева, К.Р. Ваганова, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер) и др. (Угрюмова, 2014: 19).

Данные работы посвящены созданию портрета личности или слова, наша же работа направлена на детальное всестороннее описание языка.

Согласно методам исследования образа языка в лингвистической имагологии, анализируемый материал может члениться на:

- 1) *моноязычный* – родной язык сквозь призму своей культуры;
 - 2) *языки одной группы во взаимном отражении*;
 - 3) *межкультурный* – сравнение языков, принадлежащих разным группам.
- (Хайров, 2015)

Материалом для создания лингвокультурологического портрета могут стать номинативные модели, т.е. факты, с точки зрения наивного лингвиста, воплощенные в лексических единицах того или иного знания об объекте (Березович, Рут, 2000). В.Б. Кашкин, в свою очередь, выделяет внутри наивной философии языка рассуждения, которые выдуться по нескольким направлениям:

- 1) *Внутриязыковые воззрения о языке* (в целом о языке вообще и в частности о родном);
- 2) *Межъязыковые воззрения о языке* (сравнительные характеристики, контрастность, перевод).

И те и другие включают в себя:

- *наивная наука о языке* (происхождение языка, причины его эволюции, устройство языка);
- *наивная технология языка* (правильное использование языка, методы изучения языка, способы перевода с одного языка на другой) (Кашкин, 2009: 43).

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что образ языка в сознании его носителя, формируется «по принципу дополнительности, сформулированному Н. Бором, в том числе, и на

языковых примерах» (Кашкин, 2002), и состоит из *монолингвального* и *мультилингвального* аспектов. С этих двух позиций и будет рассмотрен, отобранный для исследования материал.

Выводы по Главе 1

1. Изучение отдельной личности как представителя целого народа представляет на сегодня особый интерес. С одной стороны, доступность информации, в условиях повсеместного интернета, расширила возможности человека в самореализации, с другой стороны, возросло желание создавать и интерпретировать, полученную информацию. Образ наивного лингвиста, его суждения выходят на первый план и становятся материалом для современных лингвистических исследований.
2. Язык является ключом к раскрытию всех тайн и загадок человеческого сознания. Он позволяет нам проникнуть в сферу мыслительных процессов человека и исследовать человеческую природу и культуру, через их вербальную репрезентацию. Знания и представления о своем родном и чужих языках мы выражаем с помощью метаязыка. Эти знания всегда содержат социальную и национально-культурную окраску, так как метаязык вбирает в себя всю историю культуры своего народа, представленную в мифах, пословицах, поговорках, сказаниях и формируется в нашем метаязыковом сознании.
3. Метаязыковое сознания является хранилищем сознательного и бессознательного знания о языке, окрашенного ценностными, оценочными ориентирами. Когнитивные процессы, протекающие в коллективном и индивидуальном сознании, складываются в общую национальную метаязыковую картину. Лингвокультурология находит новые способы описания таких метафорических сущностей как

метаязыковая картина мира. Одним из таких способов является создание лингвокультурологического портрета.

4. Создание образа (портрета) языка на сегодня стало возможным благодаря методам прагмастилистического и лингвокультурологического анализа. Иными словами, для создания образ языка (своего и чужого) необходимо прибегнуть к анализу стилистически-окрашенных метаязыковых единиц, непосредственно участвующих в описании языка, с точки зрения формы, содержания и подтекста.

В ГЛАВЕ 2 мы рассмотрим корпус из восьмидесяти трех примеров, содержащих номинации английского языка: *English, Our language, The English language, British English, English tongue, The Language*, которые вошли в корпус нашего исследования. Посредством прагмастилистического анализа и ряда других методов мы рассмотрим ценностно-маркированные высказывания автора об английском языке, проследим особенности их функционирования в разрезе монолингвального и мультилингвального аспектов с целью ответа на вопрос: что представляет собой портрет языка в сознании его носителя.

ГЛАВА 2

Метаязыковая картина мира в произведении С. Фрая "The Ode Less Travelled" (лингвокультурологический анализ).

Язык не существует сам по себе, он служит определенной цели. Язык многофункционален, и владение им позволяет открывать нам новые горизонты межкультурного общения, осваивать новые знания и умения. В данном тексте область функционирования языка, выбранная автором – это поэзия, которая позволяет нам включить в нашу работу речевые аспекты языка и особенности его звучания. Современная поэзия реализуется сегодня не только в художественных текстах, но и, например, в рекламе, и в ней задействован весь лексический состав языка.

Перед нами не стоит задача непосредственного перевода текста, поэтому нас будут интересовать моменты, касающиеся «наивной науки о языке», охватывающие суждения автора о своем родном языке и сопоставление его с другими языками. Мы рассмотрим *монолингвальный и мультилингвальный* аспекты и определим типичные черты лингвокультурологического портрета языка. Так как под монолингвальным аспектом в данной работе подразумевается не только суждения о родном языке, но и о языке вообще, считаю необходимым отразить их в данной работе.

Мы исследуем метаязык наивного лингвиста на основе одного произведения, Стивен Фрай как создатель этого метаязыка является его автором. Так как работа строится на характеристиках, которые он приписывает языку или языкам, то в контексте данной работы, уточняющий комментарий: «по мнению автора» означает «по мнению Стивена Фрая».

2.1 Монолингвальный аспект лингвокультурологического портрета английского языка

В данном разделе мы проведем анализ рефлексии автора о языке в целом и о родном английском языке в частности. Выбранные нами примеры, содержащие номинации английского языка: *English, Our language, The English language, British English, English tongue, The Language*, можно разделить по трем основным направлениям: происхождение языка; общие черты, присущие языку вообще и отличительные черты английского языка в частности; культурологические особенности английского языка.

2.1.1 Родословная английского языка

Английский, пишет автор, берет начало из двух основных источников: греко-римского и англосаксонского (“*English verse sprang, like the English language, from two principal sources, Greco-Roman and Anglo-Saxon*”) (S. Fry, 97). Первый оказал заметное влияние на формирование поэтических способностей английского, на приемы и технику (“*From the Greeks and Romans we took ordered syllabic measures*”) (“Idid”), а произношение передалось в наследство от Англосаксонского (“*from the Old English we took accent*”) (“Idid”). Стивен Фрай тут же замечает, что англосаксонский также прокладывает себе путь в английский язык и влияет на его «литературный ландшафт» (“*the Anglo-Saxon tributary has carved its way through our literary landscape to*”) (“Idid”). Английский, по мнению С. Фрая, наследует весь лирический романтизм латинского и греческого, а так же «хруст» и «треск»

англосаксонского (“*The crunch and snap of Anglo-Saxon, the lyric romanticism of Latin and Greek*”) (S. Fry, 318).

Близость английского и англосаксонского для автора очевидна (“*The language again is almost entirely Anglo-Saxon in derivation*”) (S. Fry, 107). Несмотря на сильное влияние на английский язык норманнского завоевания, он (англосаксонский), по мнению автора, смог возродиться в среднеанглийском, тем самым «исправляя» свою родословную (“*MIDDLE ENGLISH or MEDIEVAL applies to a later, post-Norman revival of the Old English style*”) (S. Fry, 97). Стивен Фрай сравнивает англосаксонский с озером, которое было в течение сотен лет изолировано от речного потока, но постепенно просочилось обратно в русло (“*For hundreds of years it lay isolated, like an old oxbow lake, cut off from the flow, but over the last century or more it has snaked its way back into the mainstream*”) (“Idid”).

Автор добавляет, что современный разговорный английский довольно сильно отличается не только от своих дальних предков: греческого, латинского и англосаксонского, но и от своих *ближайших родственников*: французского и немецкого (“*spoken English, a language whose oral properties are actually very different from those of its more distant ancestors, Anglo-Saxon, Latin and Greek and even from those of its nearer relations, French and German*”) (S. Fry, 1).

Родословная обычно представляет собой генеалогическое древо. Из данных примеров мы видим, что С. Фрай представляет родословную в виде речных потоков, имеющих истоки и русло. По видимому это связано с тем, что автор постоянно подчеркивает идею о том, что язык нестатичен и изменчив. Также можно отметить то, что языки, повлиявшие на английский, автор называет родственниками: ближайшими и дальними.

2.1.2 Образ языка, общие черты. Отличительные черты и характер английского языка

Для С. Фрая любой язык – нечто естественное для человека, само собой разумеющееся, не требующее особых усилий, при этом можно отметить, что автор считает наличие языка явным преимуществом, так же как и то, что он дается нам «даром» (“...*language is inside every one of us. For free*”) (S. Fry, Хvii). В его наивнолингвистических суждениях все люди – эксперты во владении языком (“*We are all proficient at it*”) (“Idid”), так как для этого у них есть все необходимые «инструменты» и «материалы» (“*We already have the palette, the paints and the instruments*”) (“Idid”). Язык овеществляется, становится осязаемым. (“*language for us...is our paint, our medium*”) (S. Fry, 1). С. Фрай считает, что язык подобен краске или мрамору, он оживает в умелых руках мастера (“*I am suggesting that language be worked, as a painter works paint, as a sculptor works marble*”) (S. Fry, 313). При этом «запасы» его неисчерпаемы (“*We don't have to go and buy any reserved materials*”) (S. Fry, Хvii). Для автора язык механизм с одной стороны сложный, а с другой такой понятный и естественный, данный нам от рождения, и, поэтому мало кто задумывается о его основах. (“*Automatic and inborn as language might seem to be, there are still things we need to know about it, elements that are so obvious very few of us ever consider them*”) (S. Fry, 1).

Что касается реализации языка в поэзии, то автор пишет о роскошном взаимодействии с языком, его ритмами (“*Poetry is a... luxurious engagement with its language and rhythms*”) (S. Fry, ххiii). Язык в поэзии подобен балетным па (“*the ballet leaps of the poet's language*”) (S. Fry, 25), прекрасным, но имеющим жесткую структуру и организацию. Не только поэтический и академический язык, а любой язык прекрасен во всех своих

проявлениях и может быть использован для стихосложения, считает автор (*“The language of the everyday, the vulgar, the demotic and the technical have as much place in poetry as any other diction or discourse”*) (S. Fry, 313). Он призывает быть внимательными к языку (*“Be always alert to **language**”*) (S. Fry, 316) и понимать, что слова изменчивы, а значения их не всегда очевидны (*“Words have no such purity or fixity”*) (“Idid”). Для поэта, пишет С. Фрай, язык – это вода, а слова – это золото, которое он намывает в быстротечных водах языка (*“a proper poet should be...sifting gold from grit in the swift-running waters of language”*) (S. Fry, 163).

Знание английского языка или знакомство с ним автор отмечает как явное преимущество. Он пишет, что английский язык – это цель, задача, которая уже выполнена теми, кто умеет читать и писать на нем. (*“YOU HAVE ALREADY achieved the ... most important goal: you can read, write and speak **English** well enough to understand this sentence”*) (S. Fry, 1). Английский, по мнению С. Фрая, язык гибкий и открыт всему новому: он приемлет все стили, формы, жаргоны и сленги. Стивен Фрай рассматривает это как явное преимущество, которые только обогащают язык и открывают для него новые горизонты. (*“it is more than a question of the thousands more words available to us, it is also a question of the numberless styles, modes, jargons and slangs we have recourse to”*) (S. Fry, 319).

Автор отмечает противоречивые черты характера языка: горделиво варварский, и одновременно чрезвычайно (подчеркнуто) цивилизованный, общественный, и вместе с тем королевский, вульгарный, но процессуальный, священный, и вместе с тем мирской (*“proudly barbaric yet deeply civilized too, common yet royal, vulgar yet processional, sacred yet profane”*) (S. Fry, 318). С. Фрай подчеркивает, что английский не только обладает высоким уровнем коммуникативной компетенции, но и умеет контролировать выбор лексики, т.е. является чем-то вроде человека-диглосса. Для любой коммуникативной ситуации английский способен подобрать из всего многообразия необходимые средства для выражения

своих идей и эмоций, а сферы использования английского языка широки и разнообразны. (“*Military, naval, legal, corporate, criminal, jazz, rap and ghetto discourses are mingled at every turn*”) (“Idid”). Даже в том, что автор отмечает огромное влияние национального литературного наследия на английский язык, есть некоторое противоречие: с одной стороны, это язык Чосера, Шекспира, Мильтона, Джонсона и Диккенса, а с другой, он пишет, что это *помесь* с трудом выговариваемого чосеровского, шекспировского, мильтоновского, джонсоновского, диккенсовского и американского («*The English language...is a mongrel mouthful of Chaucerian, Shakespearean, Miltonic, Johnsonian, Dickensian and American*») (“Idid”).

Английский не следит за своей чистотой и невинностью – ему это не нужно. Хотя не каждый сможет сказать о своем родном языке, что он «бесстыдная шлюха» («*English ...is a shameless whore*») (“Idid”). Автор не находит в этом ничего предосудительного, наоборот он считает, что разнообразные связи только обогащают английский язык (“*This is partly what is meant by the flexibility of English*”) (S. Fry, 319).

По данным характеристикам можно отметить, что для описания языка в целом автор чаще использует сравнение с материальными сущностями: красками, палитрой, в то время как английский язык одушевляется и приобретает человеческие черты.

2.1.3 Культурологические особенности портрета английского языка

С. Фрай считает, что английский «страдает» таким заболеванием как аллитерация, автор называет ее «английской болезнью» (“*It is an English disease*”) (S. Fry, 98). Он пишет, что аллитерация по-прежнему широко распространена в рекламе и считает, что издатели журналов *одержимы* ею, в подтверждение своих слов приводит примеры из статей и рекламных слоганов (“*‘wit and wisdom’, ‘parent power’, ‘feast or famine’, ‘sweet sixteen’, ‘dirty dozen’, ‘buy British’, ‘prim and proper’, ‘tiger in your tank’, ‘you can be*

sure of Shell”) (“Idid”). А также замечает, что Шекспир придерживался того же мнения. В доказательство автор приводит отрывок из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь», где незадачливые актеры, сочиняя пьесу к свадьбе Тезея и Ипполиты, перестарались с употреблением аллитерации для придания пьесе «благозвучия» (“*Whereat, with blade, with bloody blameful blade, He bravely broach’d his boiling bloody breast*”) (“Idid”).

Хотя, с одной стороны, автор описывает характер английского языка как недогматический, с другой стороны, наличие в английском слабых безударных аффиксальных морфем он считает абсолютно естественным явлением, и ему кажется нелепым и абсурдным ограничивать их употребление в английском языке (“*That would be a ridiculous restriction in English. How absurdly limiting not to be able to end with an -ing, or an -er or a -ly or a -tion or any of the myriad weak endings that naturally occur in our language*”) (S. Fry, 36).

В чем же автор видит яркую отличительную черту английского языка, главную изюминку? Наверное ответ на этот вопрос не вызовет ни у кого большого удивления. Конечно, это чувство юмора (“*There is surely no word in the language that causes the heart to sink like a stone so much as ‘humorous’*”) (S. Fry, 267). Остроумие С. Фрай сравнивает с оружием, которое может быть и смертельно острым и абсолютно безвредным, почти незаметным (“*Wit is either a steel rapier or a lead cosh, rarely a cutely fashioned paper dart*”) (“Idid”).

С. Фраем выделяется любовь английского к пародированию, проявляющаяся в произведениях известных писателей и поэтов, таких как: Шекспир, Байрон, Свифт (“*Shakespeare parodied Marlowe... Byron parodied and was parodied, Dryden, Johnson, and Swift parodied and were parodied and so it went on*”) (S. Fry, 271). Пародия хороша тем, отмечает С. Фрай, что можно создать нечто блестяще-остроумное (“*Chaucer began the trend in English with a scintillating parody...*”) (“Idid”), а можно комично-фривольное

(*“make it comically inappropriate”*), и в том и в другом случае английский чувствует себя в ней прекрасно (S. Fry, 273).

Еще одной отличительной особенностью языка С. Фрай считает вариативность произношений в английском языке (*“circumstances or circumstánces or indeed circum-stahnces”*) (S. Fry, 4), которые могут меняться в зависимости от обстоятельств. Они, по мнению автора, связаны с классовыми различиями, и отмечает, что на этом щекотливом вопросе не стоит подробно затрагивать (*“indeed circum-stahnces too **English**, class-bound and ticklish to go into here”*) (“Idid”). В одной из глав С. Фрай упоминает о языке кокни и диалекте английского в районе Глазго, но призывает для всеобщего понимания придерживаться традиционного английского (*“we will stick to **the more common English words** where possible”*) (S. Fry, 4).

Пластичность языка, размах и пестрота диалектов, о которых мы упоминали в предыдущем разделе, по мнению автора, играет на руку не только языку, но и его самой высокой форме выражения – поэзии (*“**English** is a language suited to poetry like no other...the comic, ironic fusion yielded when both are yoked together, the swing and jazz of slang...”*) (S. Fry, 318). Разнообразие этого выбора «ослепляет» (*“the choice of words and verbal styles available to **the English** poet is dazzling”*) (“Idid”). И как бы это не было для нас странно и удивительно, в данном случае «великий» и «могучий» - это, по мнению С. Фрая, именно английский язык. Правда в его контексте английский могуч и велик именно своей пестротой, разнообразием и пластичностью. Но при этом находясь в ампула «гражданина мира», английский несколько снисходительно смотрит на тех, кто не родился вместе с ним или не овладел им в должной мере (*“**English** is a language suited to poetry like no other”*) (“Idid”).

На этом этапе можно отметить, что портрету английского языка автор придает яркую эмоциональную окраску, а черты его (портрета) довольно противоречивы.

2.2 Мультилингвальный аспект лингвокультурологического портрета английского языка

В данном разделе работы мы рассмотрим мультилингвальный аспект метаязыковой картины С. Фрай, в котором выделены следующие направления: формирование современного английского и анализ общих, речевых и культурологических характеристик английского и других языков.

1. Эволюция английского языка

В разделе 2.1.1 мы говорили о происхождении английского и о том, что, по мнению С. Фрая, наиболее сильное влияние на него оказал англосаксонский или староанглийский. (*“ANGLO-SAXON and OLD ENGLISH are (more or less) interchangeable terms”*) (S. Fry, 97).

При смешении англосаксонского и греко-римского получился английский стих, который мы наблюдаем до сих пор (*“...the English language, from two principal sources, Greco-Roman and Anglo-Saxon...We put them together to make the native accentual-syllabic verse that we have been looking at thus far”*) (“Idid”).

Греческий наполнил содержание английского точными терминами (*“When we want to describe anything technical in English we tend to use Greek. Logic, grammar, physics, mechanics, gynaecology, dynamics, economics, philosophy, therapy, astronomy, politics – Greek gave us all those words”*) (S. Fry, 6). От такого наследства ни в коем случае не стоит отказываться, и тем более пренебрегать, предупреждает С. Фрай. Ведь как он пишет, иметь специальную лексику для особого занятия полезно и приятно (*“It is useful and pleasurable to have a special vocabulary for a special activity”*) (“Idid”).

Латинский и в особенности англосаксонский позволяет английскому выразить более личные аспекты жизни и окружающего мира (*“the Latin and especially the Anglo-Saxon, to describe more personal and immediate aspects of*

life and the world around us”) (“Idid”). Для сравнения он приводит примеры медицинского термина: потерять чувствительность (*“to be anaesthetized”*) (от греч. *anaesthesia* – нечувствительность) и более разговорного: онеметь от шока (*“to be numb with shock”*) (“Idid”).

Что же по мнению автора представляет собой современный английский? Современный английский, по мнению автора, это «помесь» с трудом выговариваемого чосеровского, шекспировского, милтоновского, диккенсовского и американского (*“whether we know it or not, is a mongrel mouthful of Chaucerian, Shakespearean, Miltonic, Johnsonian, Dickensian and American”*) (S. Fry, 319). Ему уже не понять своего предка и прародителя, С. Фрай говорит о том, что англосаксонский сегодня уже практически непостижим (*“Anglo-Saxon ... is distant enough from our own to be virtually incomprehensible to all but the initiated”*) (S. Fry, 100).

Несмотря на влияния разных языков на английский, автор выделяет англосаксонский как наиболее значимый язык для английского. В своих характеристиках современного английского С. Фрай употребляет прилагательное *mongrel* (смешанный, нечистокровный). Далее мы увидим, что эта характеристика, довольно часто употребляемая в книге, в глазах автора имеет положительную коннотацию.

2.2.2 Сравнительные речевые характеристики

Звуки языка – это черты, детали, которые являются важной составляющей частью портрета языка. Этим деталям автор придает особое значение, ведь звучание языка уникально и неповторимо.

С. Фрай пишет, что у каждого английского слова в предложении есть свой собственный вес или «удар» (*“Each **English** word is given its own weight and push as we speak it within a sentence”*), чередуя ударные формы и безударные (*“In **English** we colour our speech...with variations in stress”*), язык приобретает свой «цвет» или «оттенок». С. Фрай понимает, что носителю языка трудно представить, что где-то говорят по-другому (*“Surely that’s how*

the whole world speaks?”), но сам он знает, что это не так (S. Fry, 2). Стивен Фрай приводит пример китайского и тайского языков, где все слова имеют один слог (“...*all words are of one syllable (monosyllabic)*”), меняется высота тона: голос говорящего «поднимается» или «опускается» (“*in the Chinese languages and in Thai...speech is given colour and meaning by variations in pitch, the speaker’s voice will go up or down*”) (“Idid”). Во Французском все слова, отмечает С. Фрай, ударные и имеют равный вес (“*They pronounce Canada, **Can-a-da** as opposed to **our Canada**. We say **Bernard**, the French say **Ber-nard***”) (S. Fry, 4). Автор противопоставляет произношение на *Их и Хаие*.

В отношении интонаций, С. Фрай отмечает, что для английского языка характерна нисходящая интонация в конце грамматических синтагм. По его мнению, американский злоупотребляет этим падением (“*They are so used to speaking **English** with its characteristic downward inflection...*”) поэтому американцам кажется, что французский в конце грамматических синтагм повышает интонацию (“*American ears French seems to go up at the end*”) (S. Fry, 4, 5). В пример он приводит произношение слова “*cliché*” (штамп, клише) в трех вариантах: американское произношение клише – “*clichÉ*”, с сильным ударением на последнем слоге, английское клише – “*cliché*”, с нисходящей интонацией и с более выраженным ударением на первом слоге, и аутентичное французское – “*cli-ché*”. Далее автор подчеркивает, что британцы остаются верны традиционному английскому произношению (“*With trademark arrogance, we British keep **the English** inflection*”) (“Idid”).

В тексте присутствует сравнение норм произношения и правописания британского английского с близкими к нему языками. Например, С. Фрай, пишет, что произношение в английском варьируется в зависимости от обстоятельств – “*circumstances*” (обстоятельства) или “*circumstánces*” (обстоятельств на французский манер), или даже “*circumstahnces*” (обстоятельств на древнеанглийский манер), последнее, по

мнению автора, даже *через чур* по-английски (“*indeed circum-stahnces too English*”) (S. Fry, 4). Мы видим, что автор поддерживает эту тенденцию. При этом в отношении правописания С. Фрай пишет, что предпочитает писать *meter* (размер, ритм) – на американский манер, а не *metre*, как пишут британцы (но тут же отмечает, что его британская проверка правописания отказывается это принимать (“*The Americans use the older spelling meter which I prefer, but which my UK English spellcheck refuses to like*”) (S. Fry, 7).

Заметим здесь небольшое противоречие: при том, что автор пишет о своем тяготении к американскому правописанию, он почему-то не выбирает его основным в текстовых программах.

2.2.3 Культурологические различия английского и других языков

В разделе 2.1 настоящей работы мы уже выяснили, что С. Фрай считает английский язык самым подходящим для создания поэтических текстов (“*English is a language suited to poetry like no other*”) (“S. Fry, 318). Размах и пестрота диалектов, большой выбор слов и разговорных стилей, по мнению автора, дают автору основание говорить о превосходстве Английского над другими языками в сфере стихосложения.

В тоже время, С. Фрай рассуждает о то, что американский английский, в отличие от британского английского, имеет возможность рифмовать слова, например *pith, myth, smith* (“*...in British English there is no rhyme for our voiced with, whereas the Americans can happily rhyme it with pith, myth, smith and so on*”) (S. Fry, 137). Он считает это явление, с одной стороны странным, а с другой стороны, совершенно естественным для британского английского (“*All of these pronunciations are, of course, natural to us*”) (“Idid”).

Можно заметить, что хотя, по мнению автора, английский и лучший язык для поэзии, все же не все на этом поэтическом поприще ему доступно. Природа английского языка не позволяет ему реализовать себя в ямбе и хорее, так же как и создать гекзаметр (“*Unless, for example, we shall come to*

have an influx of spondees in our English tongue, it will always be impossible to construct an English hexameter") (S. Fry, 84). Для сравнения С. Фрай приводит пример неудачных попыток сделать это (*"no man ever did well and what, from the nature of the language itself, never can be well done"*) ("Idid"). Тогда как в шведском, по мнению автора, «ресурсов» для создания ямба и хорей достаточно, не меньше, чем в латыни и греческом (*"In the Swedish they are nearly as abundant as in the Latin and Greek"*) ("Idid"). Гекзаметр черезчур громоздок для английского, пишет С. Фрай (*"hexameters, in six footers, is that they turn out to be a bit cumbersome in English"*) (S. Fry, 56, 57). Зато пентаметр, продолжает он, идеально подходит человеческому дыханию и доступен английскому в полной мере (*"The pentameter seems to fit the human breath perfectly (which is why it was used, not just by Shakespeare, but by just about all English verse dramatists)"*) ("Idid").

Так же, по мнению С. Фрая, английский не может надеяться на то, чтобы воспроизвести эффект японского стиха. А уж создание сонетов, в период начала правления династии Тюдоров, автор считает пустяком для итальянского и абсолютной чертовщиной для английского языка (*"While this is a breeze in Italian where every other word seems to end -ino or -ella, it can be the very deuce in English"*) (S. Fry, 284). В двадцать первом веке, считает С. Фрай, сонет получил второе рождение (*"In modern times the sonnet has undergone a remarkable second English-language renaissance"*), и, по его словам, каждую минуту очередной «шедевр» появляется на сайтах, посвященных сонетам (*"... you will find one written every minute on the profusion of websites devoted to it"*) (S. Fry, 286). Правда, нельзя сказать наверняка, развились ли в современном английском способности к созданию сонетов, или требования к ним стали менее жесткими.

Из всех этих рассуждений можно сделать вывод, что С. Фрай, как и большинство его соотечественников, к которым он постоянно обращается в книге, предпочитает британский английский и в письменной, и в устной речи.

4. Общие сравнительные характеристики

Как уже упоминалось в предыдущей главе, гибкость и подвижность английского восхищает С. Фрая и находит в нем искреннюю поддержку (*“the comic, ironic fusion yielded when both are yoked together, the swing and jazz of slang...the choice of words and verbal styles available to... is dazzling”*) (S. Fry, 318). Таким своим поведением английский явно бросает вызов и обществу и тем языкам, которые до сих пор цепляются за свои корни и старые традиции.

Французский, по мнению С. Фрая, старается сохранить свою чистоту и невинность. Он (Французский) пытается бороться с повсеместно распространенными англицизмами и другими иностранными заимствованиями (о чем автор говорит с некоторой долей иронии) (*“The French language...has attempted, through its Academy, to retain its purity, to fight the advancing tides of franglais and international prefabrication”*) (S. Fry, 319). В то время как английский, практически завоевавший весь мир, ведет себя как *“a shameless whore”* (“Idid”). Как мы уже говорили, автор несколько не осуждает такое поведение родного языка, он только объясняет его гибкостью английского, разнообразием доступных форм, стилей, жаргонов и сленгов (*“This is partly what is meant by the flexibility of **English**: it is more than a question of the thousands more words available to us, it is also a question of the numberless styles, modes, jargons and slangs we have recourse to”*) (“Idid”). Правда, применительно к описанию языка как такового, С. Фрай с сожалением пишет, что французы ассоциируют язык с радостью, блаженством и экстазом, они говорят о сочности языка, в то время как англичане никогда этого не делают (*“It saddens me that the French talk of the jouissance of **language**, its joyousness, juiciness, ecstasy and bliss, but that we of all peoples, with **English** as our mother tongue, do not”*) (S. Fry, 304, 305). Хотя странно было бы удивляться этому, ведь, по его же словам, французы

опекают и берегут свой родной язык как невинную девушку, тогда как английским языком, с подачи самих же англичан, не пользуется только ленивый.

Одной из отличительных черт английского С. Фрай отмечает присутствие в английском большого количества односложных слов (*“Of course, **English** does contain a great many monosyllables (many more than most European languages as it happens)”*), которые он называет маленькими и безобидными (*“inoffensive little words”*) (S.Fry, 2). Он поясняет, что это предлоги, местоимения, союзы и остальные грамматические формы, которые выпадают обычно в беглой английской речи (*“In an average sentence these are unaccented in **English**”*) (“Idid”). Это явление, как мы видим, типично для английского и редко, как подчеркивает автор, встречается в других европейских языках.

Стоит отметить, что анализ мультилингвального аспекта выявил не только отличительные черты лингвокультурологического портрета английского от других языков в наивнолингвистическом сознании, но и показал разницу в членении языковой картины мира у носителей разных языковых культур.

Выводы по ГЛАВЕ 2

Для создания лингвокультурологического портрета английского языка мы обратились к лингвистическому описанию фрагментов англоязычного дискурса, содержащего номинации английского языка: *English, Our language, The English language, British English, English tongue, The Language*. Наряду с прагматилистическим и дискурсивным методами мы применяли лингвокультурологический метод анализа, проводя когнитивное

интерпретирование фрагментов метаязыковых единиц в направлении монолингвального и мультилингвального аспектов.

По результатам проделанной работы мы выделили следующее:

1. В монолингвальном аспекте лингвокультурологического портрета английского языка можно отметить то, что метаязыковым сознанием родной язык воспринимается как одушевленная сущность, имеющая способность к рождению и эволюционированию. Выделяются в языке способности к самореализации и самовыражению. Для описания родного языка, в различных его проявлениях, автор использует следующие лексические единицы: *to suffer, to take, to spring, to dazzle, to colour, to refuse; derivation, most important goal, shameless whore, ballet leaps, disease, the human breath, ironic fusion yielded; proudly barbaric, deeply civilized, common, royal, vulgar, processional, sacred, profane, military, naval, legal, corporate, criminal, mongrel mouthful of Chaucerian, Shakespearean, Miltonic, Johnsonian, Dickensian, American, comic, ironic, inoffensive, little.*
2. В мультилингвальном аспекте лингвокультурологического портрета английского языка, содержащем сравнительные характеристики родного и чужого языка, присутствует ярко выраженный момент аксиологичности в отношении к английскому языку: родной язык всегда остается более предпочтительным для любых областей функционирования и для номинирования различных значений и понятий. Применительно к языкам, имеющим непосредственное отношение к английскому автор использует следующие лексические единицы: *distant ancestors, nearer relations, source, lake, flow, landscape, mainstream, crunch, snap water; to carve, to snake, to cut off, to revival, to retain; isolated.*
3. Отдельно можно выделить восприятие языка как такового наивным языковым сознанием. Чаще всего он воспринимается как некая материальная сущность. К нему применяются такие лексические

обозначения, как: *palette, paints, instruments, our paint, our medium, marble, elements, purity, fixity, water, gold, grit; everyday, vulgar, demotic, technical, automatic, inborn; the swift-running waters, luxurious engagements.*

4. Сопоставительный анализ выявил противопоставление родного и других языков по принципу свой – чужой, понятный – непонятный:
- *While this is a breeze in Italian..., it can be the very deuce in English.*
 - *The French language...has attempted...to retain its purity, to fight the advancing tides of franglais and international prefabrication, English, by comparison, is a shameless whore. This is...what is meant by the flexibility of English.*
 - *They pronounce Canada, Can-a-da as opposed to our Canada. We say Bernard, the French say Ber-nard'.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Лингвокультурологическом портрете английского языка, который мы создали можно выделить следующие качества:

- антропоморфность – языку приписываются человеческие черты, человеческое поведение; в языке содержится мужское и женское начало;

- подвижность и изменчивость языка – способность вбирать в себя другие культуры и языки;
- противоречивость – с одной стороны английский рушит стереотипы и традиции, а с другой, остается довольно консервативным, способным сохранить свою специфику и уникальность.

Мы подтвердили, что метаязык наивного лингвиста содержит эмоционально-окрашенную лексику, метафоричен и субъективен, отражает реалии культурной жизни данной языковой группы.

В английской, особенно британской культуре, большое значение придается происхождению человека, его родословной, поэтому в данной работе родословная выступает как важная часть лингвокультурологического портрета английского языка.

Отличительные особенности лингвокультурологического портрета английского языка характеризует склонность к аллитерации, наличие слабых и сильных ударных форм. Все это формирует способность к особому английскому стиху.

Данная работа показала, что родной язык одушевляется, приобретает в сознании носителя языка человеческие черты. Функционирование языка описывается как поведение живого организма, человека, с присущими ему качествами: он способен двигаться, совершать действия, в том числе умышленные и целесообразные. При этом любой другой язык воспринимается как чужой и враждебный.

Наша работа подтвердила представление о том, что наивнолингвистическим суждениям и оценкам присущи метафоричность, эмоциональность и категоричность. Это один из примеров аксиологичности нашего познания (мы придаем ценность нашим высказываниям, выдаем их за точные и истину в последней инстанции). Аксиологичность познания проявляется и в мнении наивного лингвиста об «исключительной

важности» и «правильности» родного языка. Язык предстает перед нами как хранитель нашей культурной информации, воплощенной в языковом знаке.

Данная работа поможет приоткрыть завесу к изучению одной из главных на сегодня тайн человечества и лингвистики – тайне языка. В качестве перспектив для дальнейших исследований можно отметить расширение и детализирование материала «наивной лингвистики», который позволит выявить специфику и особенности представлений англоязычного социума о других языковых культурах.

Результаты данной работы могут быть использованы:

- 1) при составлении учебных пособий и лекционных курсов по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии и социолингвистики;
- 2) в дальнейших лингвокультурологических исследованиях в данной области;
- 3) в качестве дополнительного материала при обучении студентов иностранному языку;
- 4) для предпереводческой подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-у изд., исправленное. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 896.
2. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – С. 72-130.

3. *Бенвенист Э.* Взгляд на развитие лингвистики. *Общая лингвистика.* – М., 1974
4. *Е.Л. Березович, М.Э. Рут* Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // *Известия Уральского университета.* 2000. – № 17. С. 33–38.
5. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т.1. – С. 384; Т.2. – С. 391.
6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. Перевод с англ. / Отв. ред. М.А. Кронгауз. вступ. ст. Е.В. Падучевой – М.: Русские словари, 1996.
7. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки.* – 2001. – №1. С. 64–72.
8. *Воркачев С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – С. 193
9. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 570
10. *Гусев С.С.* Наука и метафора. – Л.: изд-во ЛГУ, 1984. – С. 152
11. *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. – Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.
12. *Ефремов В. А.* О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // *Антропологический форум.* – 2014. – № 21. – С. 74–81.
13. *Журавская О. А.* Метаязык “наивного лингвиста” в описании речевой деятельности (на материале английского языка): Автореф. дис....канд. фил. наук. – СПб., 1998. – 16 с.
14. *Карасик В.И.* Языковые ключи. – М.: Гнозис, 2009. – С. 406.
15. *Кашкин В.Б.* Бытовая философия языка и языковые контрасты // *Теоретическая и прикладная лингвистика.* – Вып.3 – Воронеж, 2002.
16. *Кашкин В. Б.* Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // *Обыденное метаязыковое*

- сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Кемерово – Барнаул, 2009. Ч. I.
17. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 4-е изд., испр., – М.: КДУ, 2014 – С. 348
18. *Колшанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1990. – С. 107
19. *Красных В. В.* Основы психолингвистики. 2-е изд., дополненное. – М.: Гнозис, 2012.
20. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. – ТеатраСистемс, 2004. – С. 256.
21. *Маслова В.А.* Homo Lingualis в культуре. – Ozon.ru, 2007 – С. 320.
22. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 6-е изд., стереотипное. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – С. 296.
23. *Петрова Е.С.* “Наивный лингвист” как создатель метаязыковой картины мира // Studio. – 2006, № 3 – 4. С. 50–55.
24. *Петрова Е. С.* Наивная лингвистика и метаязыковая картина мира // Университетское переводоведение. – Спб., 2007. Вып. 8. – С. 339–347.
25. *Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–70
26. *Потебня А.А.* Слово и Миф. – М.: Правда, 1989.
27. *Резанова З.И.* Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин. – Ч. 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – С. 210
28. *Сепир Э.* Избранный труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. – М.: Прогресс, Универс, 1993. С.656.

29. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С.824.
30. *Стернин И.А.* Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании. // Лингвистика без границ. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016 – С. 106-131.
31. *Соколова Н. Ю.* О когнитивном исследовании «наивных» воззрений на сущности соотносительных речевых явлений вопроса и ответа (на материале английского языка) [Электронный ресурс]. URL: http://libweb.kpfu.ru/publication/papers/Baudouin/Baudouin_2015_2/Baudouin_2015_2_266_268.pdf
32. *Соколова Н. Ю.* Лингвокультурологические основы функционирования номинаций вопроса и ответа в английском языке: Дис.....канд. фил. наук. – СПб., 2015.
33. *Угрюмова М.М.* Лингвокультурологический портрет ребенка в говорах среднего приобья: Дис.....канд. фил. наук. – Томск, 2015.
34. *Хайров Ш.* Славянская лингвистическая имагология сегодня: «образы языка» и способы их сопряжения с ментальностью и культурой // Материалы международного семинара «О проекции языка на культуру: традиции, мифы, тупики», филиал Гермерсхайм университета им. Гутенберга в Майнце. 2015.
35. *Хюбнер К.* Критика научного разума. – М., 1994.
36. *Шумарина М.Р.* Метаязыковая рефлексия в фольклорном и литературном тексте. Автореф. дис. ... д. филол. наук. – М., 2011.
37. *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
38. *Hoeningwald H.M.* A proposal for the study of folk linguistics // Sociolinguistics: Proc. of the UCLA socioling. conf., 1964. – The Hague, 1966.
39. *Kalaja P.* Student beliefs (or metacognitive knowledge) about SLA reconsidered// International Journal of Applied Linguistics, 1995, 5: 2. P.

191.

40. *Lakoff G., Thompson H.* Introducing cognitive grammar // Berkeley Linguistic Society. Proceedings of the First Annual Meeting. – Berkeley, 1975. P. 295-313.
41. *Nancy A. Niedzielski, Dennis R. Preston* Folk Linguistics. – Walter de Gruyter Berlin, New York, January 2000.
42. *Penny Lee* The Whorf Theory Complex: A Critical Reconstruction. – John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia, 1996.
43. *Preston D.R.* Perceptual Dialectology: Nonlinguists' Views of Areal Linguistics. Foris Publications. Dordrecht-Holland/Providence R.I. – U.S.A. Published by Foris Publications Holland, 1989.
44. *Preston D.R., Niedzielski N.* A Reader in Sociophonetics. – Mouton de Gruyter, 2010.
45. *Taylor Mark C., Esa Saarinen.* Imagologies, Media Philosophy – N.-Y: ROUTLEDGE, 1994.

Список использованных словарей

1. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов, 5-е из., исправленное и добавленное. – Назрань: Пилигрим, 2010. – С. 488.
2. Словарь социолингвистических терминов. — М.: Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук. Ответственный редактор: доктор филологических наук *В.Ю. Михальченко*, 2006. – С. 315.
3. *Ожогов С.И.* Толковый словарь русского языка. – OZON.RU, 2012. – С. 1376.

4. Longman Dictionary of English Language and Culture. Pearson Education Limited, 2003.
5. Oxford Collocations Dictionary for Students of English. Oxford University Press, 2002.
6. The Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford University Press, 2002.
7. <https://www.oxforddictionaries.com>
8. <http://www.ldoceonline.com>
9. <http://etymonline.com>

Используемый материал

Stephen Fry. The Ode Less Travelled. Unlocking The Poet Within//Arrow books.
– 2007.